

Е. Е. Иванов

**Учреждение образования «Могилевский государственный
университет имени А. А. Кулешова»,
кафедра теоретической и прикладной лингвистики**

**ПРОБЛЕМА ОБЪЕМА И ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ
КЛАССА ВЫСШИХ (АФОРИСТИЧЕСКИХ) ЕДИНИЦ ЯЗЫКА
(на материале русского и белорусского языков)**

В статье рассматривается проблема определения и дифференциации афористических единиц языка на материале русского и белорусского языков.

The article deals with the problem of definition and differentiation of aphoristic units of Russian and Belarusian.

Ключевые слова: афористические единицы, русский язык, белорусский язык.

Key words: aphoristic units, Russian, Belarusian.

Проблема объема и дифференциации афористических единиц языка была впервые эксплицирована (как концептуально, так и в метаязыковом плане), теоретически обоснована и частично решена в лингвострановедческой теории афоризма на материале русского языка в начале 1970-х гг. в широко известной работе «Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного» академика В.Г. Костомарова и Е.М. Верещагина (первое издание – 1973) [1]. В белорусистике проблема объема и дифференциации афористических единиц языка решалась в ряде работ автора статьи в связи с разработкой лингвистической теории афоризма на материале белорусского языка [2; 3; 4; 5; 6]. Прикладное решение этой проблемы было впервые реализовано в лингводидактике на материале русского языка как иностранного в 1980-х гг. в первом (и до сих пор единственном в своем роде в русистике) лингвистическом словаре афори-

Исследование выполнено в рамках НИР «Універсальнае і нацыянальнае ў фразеалагічнай і парэміялагічнай падсістэмах беларускай мовы (у еўрапейскім моўным кантэксце)» (ГР № 20161332) подпрограммы «Белорусский язык и литература» Государственной программы научных исследований «Экономика и гуманитарное развитие белорусского общества» на 2016–2020 гг.

стических единиц «Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения: лингвострановедческий словарь» В.П. Фелицыной и Ю.Е. Прохорова (первое издание – 1980) [9]. Предложенное в рамках лингвострановедения решение данной проблемы остается наиболее аргументированным и, как правило, не оспаривается в современной русистике, хотя имеет ряд противоречий и вполне очевидных методологических ошибок.

Так, в рамках лингвострановедческой теории афоризма объем «языковых афоризмов» ограничивается на материале русского языка тем «малым числом пословиц и крылатых слов (по подсчетам Г.Л. Пермякова, примерно 800–1500 единиц)», которые «известны всем носителям языка так же, как любое слово и любой фразеологизм», обладают «массовой воспроизводимостью», «известны повсеместно и активно употребляются в речи», получая тем самым «право называться элементами общенародного языка», в противопоставление тем афористическим единицам, которые «не выходят за пределы местного бытования, или даже остаются достоянием отдельных лиц», и квалифицируются как «не более чем фольклорный и литературный материал» [1, с. 73], или как «речевые афоризмы» [7, с. 5–6].

Такой подход основывается на противопоставлении общезыковых и индивидуально-речевых афоризмов (как, соответственно, знаков языка и единиц речи) только на основании оппозиции «массовый vs. не массовый характер» их воспроизводимости, а также на определении данной оппозиции, исходя только из противопоставлений «активность vs. не активность», «повсеместность vs. не повсеместность» и «общеизвестность vs. не общеизвестность» употребления в речи афористических единиц. Однако не всякая общеизвестная единица языка обязательно воспроизводится массово, употребляется повсеместно и активно в речи (может иметь функционально-стилистические ограничения, находиться в составе пассивного словаря и т. д.), не каждая единица языка, которая активно употребляется в речи, должна обязательно быть общеизвестной и повсеместно функционировать (может иметь территориальное или социальное ограничение) и т. п.

В данном случае вне афористического фонда языка остаются единицы, которые не попали в состав «общеизвестных», не были квалифицированы как «массово воспроизводимые» только по результатам специального эксперимента («паремиологического эксперимента» Г.Л. Пермякова [8] и т. п.). Необходимо отметить, что паремиологический эксперимент, во-первых, как и всякий социолингвистический эксперимент избирателен в своей репрезентации языкового материала (с его помощью можно установить те или иные количественные и качественные характеристики той или иной группы единиц, но невозможно установить объем всего фонда строевых единиц данного типа в общенародном языке), а во-вторых, мето-

дологически предназначен только для выявления части афористического фонда языка – тех единиц, которые широко известны в данный исторический период развития общенародного языка данной части его носителей на определенной территории (всегда затруднительно в результате анкетирования ограниченного количества информантов установить объективный минимум единиц, известных всем без исключения носителям данного языка).

Также остается вне афористического фонда языка как не «повсеместно и активно употребляемые» и огромное количество единиц из пассивного состава афористического словаря литературной формы языка, из отдельных ее функционально-стилистических разновидностей, а также из различных территориальных и социальных диалектов общенародного языка. За пределами лингвистики в таком случае оказывается большинство афористических единиц, реально функционирующих в составе различных форм существования общенародного языка (весьма трудно представить объем фразеологических или лексических единиц языка без функционально-стилистически маркированной, диалектной, социолектной фразеологии или лексики).

В рамках лингвострановедческой теории афоризма «языковые афоризмы» (все афористические единицы языка) дифференцируются на материале русского языка на четыре класса: «пословицы и поговорки», «крылатые слова», «призывы, девизы, лозунги», «научные формулы и формулировки» [1, с. 71–72].

При такой дифференциации искусственным выглядит выделение таких разновидностей языковых афоризмов, как «общественно-научные формулы» и «естественнонаучные формулировки», а также «призывы», «девизы» и «лозунги», источниками которых являются литературные тексты (соответственно, научного или публицистического содержания), т. е. те же «литературные источники», наличие которых определяется в качестве категориального признака «крылатых слов». Это, видимо, вполне понимали и сами авторы лингвострановедческой теории афоризма, которые вряд ли обмолвились, когда употребили выражение «и другие крылатые фразы», определяя такую разновидность языковых афоризмов, как «призывы, девизы, лозунги» [1, с. 72].

В данном случае дифференциация объема афористических единиц языка ограничена только их этимологическим разграничением (фольклорным или литературным происхождением) и функционально-семантическим размежеванием (исходя из отсутствия или наличия в их фоновой семантике семы устойчивой ассоциации с источником происхождения – определенным текстом, автором или литературой вообще). За ее пределами остались все остальные разновидности афористических единиц, детерминированные диахронической, стилистической, территориальной, социальной и др. дифференциацией общенародного языка.

Таким образом, объем и дифференциация «языковых афоризмов» были определены в лингвострановедческой теории афоризма только для потребностей самого лингвострановедения как лингводидактической дисциплины (ограничены только тем количественным минимумом языковых единиц, который необходим для практического владения русским языком как иностранным). Понимание же объема языковых афоризмов как категориального множества языковых единиц должно быть, безусловно, более объективным и определяться (как это делается при определении объемов и фразеологической, и лексической подсистем языка) прежде всего на основании противопоставления единиц языка и единиц речи, а также функциональной, диахронической, стилистической, территориальной, социальной и др. дифференциации строевых единиц общенародного языка.

В этой связи, на наш взгляд, требуется более строгое лингвистическое определение таких понятий, как массовая и индивидуальная воспроизводимость, активность употребления, повсеместная известность, общеизвестность и т. д. (по отдельности и в их взаимосвязи) применительно к афористическим единицам как строевым единицам языка.

Остаются нерешенными вопросы о принципах и критериях установления объема афористического фонда и его дифференциации в общенародном языке, определения минимального количества афористических единиц, в которых были бы представлены все основные структурные, семантические и функциональные свойства единиц всего афористического фонда общенародного языка, выявления и разграничения наиболее известных (большинству носителей языка) и наиболее употребительных (частотных) афористических единиц. Требуется своего решения и проблема разработки объективных оснований и методики экспериментального установления объема и функциональной дифференциации афористического фонда общенародного языка.

Актуальными задачами описания афористических единиц как категории языка и как языковой подсистемы (на материале русского и белорусского языков) являются (1) обоснование понятия общего фонда и критериев дифференциации афористических единиц, определение объемов и дифференциальных составов фондов афористических единиц современных русского и белорусского языков в описательном и сравнительном аспектах, (2) обоснование понятия языкового минимума и разработка методики установления его объема и состава экспериментальным способом, определение объемов и составов афористических минимумов русского и белорусского языков в описательном и сравнительном аспектах, (3) разработка и обоснование понятия «основной фонд афористических единиц» языка и экспериментальных способов установления его объема и состава, определение объемов и составов основных афористических фондов русского и белорусского языков в описательном и сравнительном аспектах.

Літэратура

1. Верещагин, Е. М. Национально-культурная семантика языковых афоризмов // Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М. : Русский язык, 1990. – С. 71–80.
2. Іваноў, Я. Я. Фразеалогія vs. афарыстыка (да праблемы катэгарыяльнага размежавання фразеалагічных і афарыстычных адзінак мовы) / Я. Я. Іваноў // Известия Гомельского гос. ун-та им. Ф. Скорины. – 2004. – № 1 (22). – С. 29–32.
3. Іваноў, Я. Я. Дыферэнцыяльныя прыметы афарызма : манаграфія / Я. Я. Іваноў. – Магілёў : Брама, 2004. – 160 с.
4. Іваноў, Я. Я. Да праблемы вызначэння асноўнага парэміялагічнага фонду беларускай мовы / Я. Я. Іваноў // Веснік Беларускага дзярж. ун-та. Сер. 4, Філалогія. Журналістыка. Педагагіка – 2006. – № 3. – С. 103–109.
5. Іваноў, Я. Я. Асноўныя класы афарызмаў (да праблемы сістэматызацыі афарыстычнага матэрыялу) / Я. Я. Іваноў // Фразеология германских, романских и славянских языков = Phraséologie of Germanic, Romanic and Slavic Languages = Phraséologie germanique, romane et slave : сб. науч. ст. / под ред. Е. Е. Иванова. – Могилев : МГУ им. А. А. Кулешова, 2009. – Вып. 1. – С. 196–230.
6. Іваноў, Я. Я. Афарыстычныя адзінкі ў беларускай мове : манаграфія / Я. Я. Іваноў. – Магілёў : МДУ імя А. А. Куляшова, 2017. – 208 с.
7. Костомаров, В. Г. О пословицах, поговорках и крылатых выражениях в лингвострановедческом учебном словаре / В. Г. Костомаров, Е. М. Верещагин // Русские пословицы, поговорки, крылатые выражения : лингвострановедческий словарь / В. П. Фелицына, Е. Ю. Прохоров. – М. : Русский язык, 1979. – С. 3–17.
8. Пермяков, Г. Л. К вопросу о паремиологическом минимуме языка (на материале русских народных изречений) / Г. Л. Пермяков // Основы структурной паремиологии / Г. Л. Пермяков. – М. : Наука, 1988. – С. 143–169.
9. Фелицына, В. П. Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения : лингвострановед. словарь / В. П. Фелицына, Ю. Е. Прохоров. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Русский язык, 1988. – 272 с.